

ЖЕНЕВЬЕВА ГОРНИЧЕК

Сердце Ведьмы

INSPIRIA

Москва
2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г69

Genevieve Gornichec
THE WITCH'S HEART

Copyright (c) 2021 by Genevieve Gornichec
All rights reserved including the right of reproduction in whole
or in part in any form.
This edition published by arrangement with Ace, an imprint of Penguin
Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC

Перевод *Дарьи Урбанской* под редакцией *Ильи Кузьмина*

Горничек, Женевьева.
Г69 Сердце Ведьмы / Женевьева Горничек ; [перевод с англий-
ского Д. Урбанской под редакцией И. Кузьмина]. — Москва :
Эксмо, 2022. — 448 с.

ISBN 978-5-04-122930-6

История Ангербоды начинается там, где большинство историй о ведьмах заканчиваются: на костре. За отказ открыть ему знания о будущем бог Один решает сжечь непокорную ведьму. С трудом выжив, израненная и обессиленная Ангербода скрывается в безлюдных лесах... где встречает легендарного трикстера Локи.

Их отношения рождаются с недоверия, но перерастают в любовь. У них появляются трое необыкновенных детей, у каждого из которых — особое предназначение. Ангербода растит малышей на краю света, укрывая от всевидящего ока Одина... до тех пор, пока пророческий дар не открывает ей: её дети в опасности. В опасности весь мир. И теперь Ангербода должна решить, примет ли она предначертанную судьбу — или восстанет, пытаясь изменить будущее.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-122930-6

© Урбанская Д., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Посвящается Поппи

ЧАСТЬ I

В стародавние времена, когда были боги ещё юны, а Астард только возведён, из-за предела миров явилась ведьма. Она знала много древних заклятий, но особенно сведуща была в сейде, особом колдовском искусстве, что позволяло странствовать вне тела и провидеть будущее. Когда Один, первый среди асов и асинь, прознал о её умениях, так возжелал он заполучить эти знания, что предложил ей сделку: она наставляет его в искусстве сейда, а в обмен он раскрывает ей тайны рун.

Сперва колдунья колебалась, ибо слышала она об Одине много такого, что рождало сомнения в верности его обещаний. Но также знала она, что одноглазый бог редко делится своими секретами, а это означало, что её знания о сейде должны быть для него немалой важности. Поэтому отбросила она подозрения в отношении мрачного аса и приняла его предложение. И так они стали вместе творить сейд.

Постепенно начала замечать ведьма, что странствия её вне тела становятся всё дальше и опаснее, чем когда-либо прежде. Как-то раз чуть не утянуло её в место мрачнее, чем даже начало времён. Бездна эта испугала её, ведь тайны, заключённые в ней, были так велики и ужасны, что не осмелилась она их тревожить — к великой досаде Одина, ибо знание, что алкал он превыше

всего, было сокрыто в сей бездне. И казалось ему, что только ведьма может дотянуться до него.

Но не только Одина наставляла в сейде колдунья — знаниями своими она делилась также и с ванами, давними соперниками асов, чей мир встретился ей на пути в Асгард. Не было между ними заключено никаких сделок, и ваны не знали, чем отплатить ей за науку, кроме как золотом, хотя богатство её вовсе не прельщало.

Прознал Один, что ведьма свободно ходит между Асгардом и Ванахеймом, и замыслил наконец добить-ся своего. Настроил он асов против своей наставницы и оклеветал её, назвав Гульвейг, «Жаждущей злата». И поверили асы, и пронзили её копьями. Трижды сжигали они тело её, и трижды она возрождалась, ибо долго жила она на свете, была очень могущественна, и убить её было не так-то просто.

Всякий раз, когда ведьма страдала в пламени, Один пытался заставить её воспользоваться сейдом и спуститься в бездну за тем знанием, что так жаждал, но каждый раз удавалось ей противостоять ему. Узнали ваны о том, как обращаются их недруги-асы с колдуньей, и пришли они в ярость, и началась первая война между мирами.

Возродившись из пламени в третий раз, Гульвейг бежала, но кое-что после неё осталось: её сердце, всё ещё дымящееся на погребальном костре.

Там *он* его и нашёл.

Некоторое время спустя поиски привели его в самый дремучий и мрачный лес на дальнем краю Ётунхейма, стране ётунов-великанов, злейших врагов асов. Этот лес назывался Железным, и его искорёженные

СЕРДЦЕ ВЕДЬМЫ

серые деревья росли так часто, что между ними не найти было и тропинки, а их узловатые сучья тянулись так высоко, что заслоняли собой солнце.

Однако ему не пришлось углубляться в чащу, так как ведьма нашлась на берегу реки, что отделяла Железный Лес от остальной части Ётунхейма. Глядя на часток стол деревьев за гладью реки и горы над ними, она сидела на грубом шерстяном одеяле, накинув на плечи толстый плащ и надвинув на голову капюшон. Светило солнце, но она расположилась в тени, сложив руки на коленях и прислонившись к стволу дерева.

Некоторое время он, переминаясь, наблюдал за женщиной, почёсывая нос и прислушиваясь к причудливому журчанию реки и щебету певчих птиц, а затем неторопливо подошёл к ней, сцепив руки за спиной. Ему была видна только нижняя половина её лица, и кожа на ней казалась розоватой — нежной, заживающей, *обновлённой*. Подойдя ближе, он заметил, что кожа на её руках выглядела так же. Казалось, колдунья мирно отдыхает, и отчасти ему не хотелось беспокоить её. С другой стороны, он всегда находил саму идею *мира* довольно скучной.

— И долго ты собираешься там стоять? — поинтересовалась она хрипло. Голос звучал так, будто она с рождения ничего не пила. Вероятно, подумал он, так и бывает, если трижды подышать дымом собственного погребального костра.

— Тебя непросто отыскать, — ответил он.

По правде говоря, ему было непонятно, что делать дальше. Он пришёл вернуть ей то, что она оставила в чертоге Одина, — но хотел чего-то большего, хотя он и не знал, чего именно. Что-то влекло его в Железный

Лес в тот день — что-то кроме её сердца, покоящегося в заплечном мешке. И он чувствовал, что нечто, приведшее его сюда, было важно, значимо, а главное — *интересно*. А ведь его не так и просто было заинтересовать.

И вот теперь он находился здесь, соблазнённый предчувствием какого-то волнения, в надежде, что ведьма его не разочарует.

Она ответила не сразу, вместо этого принялась изучающе рассматривать этого странного мужчину, что приблизился к ней. Солнце светило ему в спину, так что лица было не разглядеть — только тёмно-зелёный дорожный плащ с капюшоном, коричневые брюки, ботинки из тёмной кожи и абрис растрёпанных волос.

— Я действительно восхищён твоими талантами, — продолжил он как ни в чём не бывало. — Ну знаешь, сеять хаос, где бы ты ни находилась. Вынуждать сильных мира сего сражаться за возможность обладать твоими знаниями. Это впечатляет.

Помолчав, она произнесла:

— Я не собиралась этого делать.

— А что собиралась?

Ведьма промолчала.

— Ну что ж, если ты задумаешь снова повернуть такое, — сказал он, — я бы с удовольствием понаблюдал и даже, возможно, поучаствовал, если только меня не поймают. Но сразу предупреждаю, что ни при каких обстоятельствах я не даю обещаний, от которых не смогу отвертеться. Обычно я не настолько прямолинеен, так что считай, тебе повезло — как друга предупреждаю.

— Друга? — Этого слова она прежде не слышала.

СЕРДЦЕ ВЕДЬМЫ

— Да, решил стать им прямо сейчас. — Он склонил голову набок. — Я что, твой первый друг? Ну что ж, поздравляю!

Она проигнорировала вопрос.

— Кажется, меня ты перед этим спросить забыл.

— Ну, насколько я вижу, тебя не осаждают поклонники. — Он внимательно посмотрел на неё. — Если честно, ты мне видишься не более чем мирной колдуньей из лесной глуши. Я очень давно не слышал говора, подобного твоему. Удивительно, что асы вообще смогли разобрать твою речь. Кто ты? Откуда пришла?

— Я не знаю, — призналась она немного погодя. Женщина наклонила голову так, чтобы видеть его, но он не мог продолжать рассматривать её. — Я могла бы задать тебе тот же вопрос, и ты, вероятно, тоже не смог бы ответить.

— Да ну? — Он присел на корточки и пристально посмотрел на неё.

Теперь ей стало видно его бледное угловатое лицо, острый, слегка вздёрнутый нос, придававший ему озорной вид, и тёмно-русые волосы до плеч — не то волнистые, не то кудрявые. Глаза у него были травянисто-зелёные; он задорно улыбался.

Ведьма кивнула в ответ.

Уголки губ его слегка дрогнули:

— И с чего же ты это взяла?

— Я многое знаю, — сказала она. — Возможно, ты слышал об этом.

— Я, *возможно*, слышал, что тебя пронзили копьями и несколько раз сожгли как раз потому, что ты многое знала. Вероятно, отныне тебе следует просто прикидываться дурочкой.

— Какое же в этом веселье, — сказала она полушутливо, а её рука инстинктивно потянулась к вертикальной ране между грудями — сюда её пронзили копьём, вырвав сердце.

— Вот это я понимаю! — Он засмеялся, роясь в сумке, а через мгновение вытащил что-то завернутое в ткань и протянул ей.

Она взяла свёрток — и вздрогнула, когда почувствовала, что тот ритмично пульсирует в её руках.

— Твоё сердце, — пояснил он. — Сначала я собирался его съесть, но затем решил, что, может быть, стоит вернуть его тебе.

— *Съесть?* — спросила она, скорчив гримасу. — Зачем?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Чтобы посмотреть, что из этого получится.

— Если съесть сердце ведьмы, это совершенно точно не пойдёт никому на пользу, — сухо сказала она и нахмурилась, развернув ткань. — Похоже, оно порядком исцелилось после сожжения, но...

— ...Но в нём по-прежнему есть дырка, — закончил он за неё. — Тебя же проткнули. Возможно, рана полностью затянется, если ты поместишь сердце на положенное ему место. Можешь сделать это прямо сейчас — я не буду подсматривать.

— Повременю. — Она вернула ткань на место и вновь посмотрела на него. — Благодарю.

— Всегда пожалуйста. — Он сел, вытянул одну ногу и положил локоть на другое колено. — Итак, как я понимаю, тебя больше не Гульвейг звать. А как теперь?

СЕРДЦЕ ВЕДЬМЫ

— Я точно не знаю. — Она искоса взглянула на него, а он в это время выдернул из земли длинную травинку, сунул в рот и лениво пошевелил ей из стороны в сторону. Ей в глаза бросилась россыпь веснушек на его носу и щеках и то, как солнце, оказавшись позади него, окрасило контур его волос в ярко-оранжевый цвет. Этот гость по-прежнему был для неё загадкой. Было непросто решить, как много стоит ему рассказывать.

— Ты не знаешь своего собственного имени? — уточнил он, подняв брови.

Она пожала плечами.

— Я хотела путешествовать, так что в странствиях меня всё равно бы как-то называли — в зависимости от того, куда они меня заведут. — Она бросила взгляд через реку на серые заросли Железного Леса. — Хотя, возможно, я всё же решу задержаться здесь ненадолго.

— И как же ты станешь *сама* себя называть, если останешься?

Она обдумала его вопрос минуту-другую, а затем ответила:

— Ангербода.

Он сморщил нос, и травинка поникла.

— Как? «Та, что приносит горе»? Что за странное имя... Зачем мне становиться твоим другом, если только этим ты и собралась заниматься?

— Это ты решил, что мы друзья, — возразила она. — Да и горе я принесу не тебе.

— Неужели все ведьмы такие же загадочные, как ты?

— Не уверена, встречала ли я других ведьм, но мне кажется, что некоторые из них тоже некогда жили в этих лесах. — Она снова посмотрела на другой берег

реки и почти благоговейно понизила голос: — Говорят, здесь обитала одна колдунья, что породила волков, преследующих солнце и луну, и дала жизнь многим другим.

— Точно. Я слышал о них истории в детстве. Старуха и её волчьи дети.

— Ты слышал эти сказки в Асгарде?

— Вообще-то, *родом* я не из Асгарда. Но, так или иначе, все здесь знают эти истории.

— Ты ётун-великан, — произнесла она. Это было предположение с её стороны, но в голосе не прозвучало вопроса. На самом деле слово «великан» было не совсем подходящим: это было определение, а не описание, потому что своими размерами великаны чаще всего не превосходили обычного человека. И хотя её гость, несомненно, был одет как один из богов-асов, иногда по внешнему облику было невозможно отличить бога от великана.

Но этот мужчина, путешествующий один и совершенно не скрываясь... В нём было что-то дикое, что-то в его глазах наводило на мысли о дремучих лесах и самых длинных летних ночах. Что-то необузданное, неукрощённое.

Разве он может быть богом?

Он пожал плечами в ответ на её догадку.

— Вроде того. Во всяком случае, сейчас здесь довольно пустынно. Не осталось ни волков, ни их прародительницы-ведьмы...

— Верно. — Она вновь устремила взгляд на лес за рекой, почувствовав укол боли в пустой груди. — Но, быть может, это была я. Быть может, я была их матерью.

СЕРДЦЕ ВЕДЬМЫ

— Но ты не помнишь точно?

Она покачала головой:

— Увы.

Между ними повисла тишина, и он пошевелился. У неё возникло ощущение, что он ненавидит, когда разговоры на время стихают; он казался человеком, которому нравится слушать свой голос.

— Что ж, — произнёс он наконец, — хочу, чтобы ты знала, что отныне моя главная цель — не обращать внимание на все твои печальные пророчества, а вместо этого делать всё, что мне заблагорассудится.

— Нельзя просто *не обращать внимание* на пророчества.

— Можно, если очень постараться.

— Не уверена, что всё так легко.

— Хм... — Он закинул руки за голову, прислонился к дереву и заносчиво заявил: — Может быть, я просто посмекалистее тебя буду.

Она насмешливо покосилась на него.

— И как же *тебя* тогда зовут, о Хитроумный?

— Я скажу тебе, если ты покажешь мне своё лицо.

— Покажу, если пообещаешь не отпрянуть в ужасе.

— Я уже сказал, что назову тебе своё имя. Больше ничего обещать не могу. Но поверь, желудок у меня здоровый — я ведь собирался съесть твоё сердце.

— Не такое уж моё сердце и мерзкое, поверь.

И всё же она приподняла капюшон, открывая синие-зелёные глаза под тяжёлыми веками и коричневую щетину обожжённых волос. Цвета они были не такого, как у Гульвейг, но Ангербода решила, что уж это имя и всё, что с ним связано, она должна оставить позади и никогда больше не вспоминать о нём. В её жизни